

IGOR A. ARZUMANOV (Irkuck)

Шаманизм как социокультурный объект государственного регулирования обычно-правовой сферы Восточной Сибири XIX в.

Общие процессы включения этносов Сибири в государственный строй Российской империи продолжались в рамках реформ губернского управления XVIII – нач. XIX в. Сибирская часть Российской империи, на основании норм § 1 «Учреждения для управления Сибирских Губерний» 1822 г.¹ (далее – Сибирское Учреждение. – *И. А.*) была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское (центр в Тобольске) и Восточно-Сибирское (с центром в Иркутске). К Западной Сибири были отнесены Тобольская и Томская губернии, Омская область². К Восточной Сибири, согласно § 3 Сибирского Учреждения, относились Иркутская, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицко-Савское Пограничное управление³. Губернии делились на округа, а последние делились на волости и инородные управы⁴. По мнению непосредственного участника административных реформ Г. С. Батенькова, в отличие от центральной России, при разделении Сибири в какой-то мере была предпринята попытка реализации одной из важнейших управленческих задач – «приведение естественного разделения России в соответствие с рациональным»⁵.

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ) : в 45 т. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 38, № 29125.

² Там же. § 2.

³ Там же. § 3.

⁴ Там же. § 4.

⁵ Он писал в 1856 г. «Законодательство наше отрицает или, по крайней мере, не признает ни истории, ни этнографии, ни климатологии и не ищет никаких данных в основание, боясь

Методология общего государственного управления и регулирования этноконфессиональной сферы, политико-правовой интеграции коренных народов в Сибири связана с управленческой и правотворческой деятельностью М. М. Сперанского. Основной посыл его реформ основывался на констатации отличий Сибири от внутренних губерний Российской империи, сказывающихся в отсутствии основного управленческого класса (дворянства), недостатке чиновников, больших расстояниях, а также малочисленности населения⁶. Отсутствие же действенного надзора за местной администрацией со стороны центральных органов власти приводило к крайним формам злоупотреблений, что снижало эффективность государственного управления регионом, ключевым аспектом которого были фискальные интересы по обеспечению стабильности податных возможностей местного ясачного населения. Подавляющее большинство автохтонов Восточной Сибири еще в начале XIX в. придерживалось шаманизма, система и социально-культурная роль которого определялась его социофункциональными характеристиками. До утверждения в Восточной Сибири институтов ламаизма и христианства, мифорелигиозные комплексы шаманизма выступали наиболее универсальной формой идеологической системы социокультурного пространства. Шаманско-культурные традиции и практика выступали как общая (абсолютная) санкция, а также оправдание и смысл всех других видов общественных отношений в идеологической сфере. Очевидно, что автохтонные шаманско-культурные традиции и практика выполняли все основные социальные функции религии в полном объеме, что и определяло остроту постановки вопроса о нивелировке влияния мифорелигиозной системы шаманизма на сознание включаемых в состав империи народов, прежде всего усилиями православной и ламаистской церкви. Тем не менее даже в рамках последующих территориально-административных реформ, укрупняющих «единицу» социополитического измерения, например, бурятского этноса, каждая семейная группа старалась иметь свою установку – программу мышления, даже в условиях складывающегося религиозного синкретизма определяемую метатрадиционными формами шаманистского мировоззрения.

Ключевые моменты, определяющие круг задач государственного регулирования процессов ассимиляции и интеграции коренных этносов, отчасти были зафиксированы § 170 Устава об управлении инородцев 1822 г.⁷, среди которых законодатель выделял: непостоянство мест прожи-

стесниться и ограничиться или определиться» См.: Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1989. С. 393.

⁶ Окунь С. Б. Сибирский комитет // Архивное дело. 1936. № 1. С. 92–103.

⁷ ПСЗРИ : в 45 т. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 38, № 29126.

вания⁸ (автохтонное население Байкальского региона до начала и в период колониционных процессов преимущественно придерживалось кочевничьего (кочевого) способа производства); соответствующую данному цивилизационному типу общественных отношений «Степень Гражданского образования»⁹, и, как следствие, обычно-правовые формы регуляции общественных отношений.

1. По социальному строю подавляющее большинство этнических групп придерживалось семейно-родового строя и уклада жизни, отличающихся «простотой нравов»¹⁰, «особыми обычаями»¹¹ и «образом пропитания»¹². Отсутствие письменных правовых памятников и пестрота родовых обычно-правовых систем¹³; отсутствие привязки к породным землям у ряда «бродячих» родов были сопряжены с трудностями взаимодействия¹⁴, сбыта произведенного и добытого непосредственно на местах лова¹⁵, недостатком наличных средств для товарно-денежного обращения¹⁶.

2. Следствием злоупотреблений представителей имперской администрации, отсутствия четкой административной системы и контроля над деятельностью государственных чиновников являлось снижение податных возможностей сибирского населения. Как следствие – трудности в управлении и реализации фискальных функций государства, потеря авторитета государственной власти¹⁷.

⁸ Там же. П. 1, § 170.

⁹ Там же. П. 2, § 170.

¹⁰ Там же. П. 3, § 170.

¹¹ Там же. П. 4, § 170.

¹² Там же. П. 5, § 170.

¹³ Некоторое исключение на начало XIX в. являла обычно-правовая система некоторых бурятских племен, в частности хоринских и селенгинских родов, имеющих кодифицированные акты обычного права, составленные еще в XVIII в. Достаточно подробная характеристика этих памятников дана рядом российских исследователей дореволюционного, советского и современного периодов. См., напр., Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. «Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий». Одесса, 1879; Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава : Тип. Ивана Носковского, 1876. 272 с.; Жамцарано Ц. Ж., Турунов А. Н. Обзор памятников писаного права монгольских племен. Иркутск, 1920; Нязановский В. А. Обычное право бурят. Чита, 1920; Тумурова Т. А. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 224 с.; Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск : Наука, 1992. 312 с.

¹⁴ ПСЗРИ : в 45 т. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 38, № 29126, п. 6, § 170.

¹⁵ ПСЗРИ : в 45 т. 1-е изд. СПб., 1830. П. 8, § 170.

¹⁶ Там же П. 7, § 170.

¹⁷ Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск : Сова, 2005. С. 144.

М. М. Сперанский выводит ряд базовых принципов управления инородцами Сибири, попытка реализации которых впоследствии отразилась в проектах Степных законов для кочевых инородцев Восточной Сибири на стадии их составления.

К главным правилам (принципам) государственного управления инородческим населением, согласно § 170 Устава, относилось следующее:

1. В частных делах предоставление кочующим инородцам права словесной (устной) расправы по нормам обычного права.

2. Одновременно предполагалось уменьшение числа предметов судебного разбирательства, подлежащих рассмотрению имперскими судебными учреждениями. В свою очередь, данный пункт включал в себя:

1. Ограничение уголовных дел. До времени смягчения под влиянием образования нравов инородцев, согласно § 37 Устава, к числу уголовных дел относились грабеж, намеренное убийство, делание ложной монеты, возмущение и насилие, похищение казенного и общественного имущества; особый порядок следствий и розыска, обозначенных в § 223–235 Устава; особые обязанности Степного управления и местной Полиции в процессе «Словесной расправы»;

2. Позиции, связанные с проблемами урегулирования социально-экономической жизни, для налаживания которой необходимо было устранить препятствия в обеспечении свободы торговли и производства и создать условия к исполнению инородцами их обязанностей. Для этого необходимо было точно определить налогообложение, правила их взимания, упрощение времени проведения процедур при сделках и расчетах убытков, с ними сопряженных.

Деятельность М. М. Сперанского, назначенного в 1819 г. генерал-губернатором Восточной Сибири, была направлена на упорядочение данных проблем и создание благоприятного режима государственного управления краем. Организационный режим управления Сибирью обеспечивался рядом нормативных правовых актов, разработанных под руководством М. М. Сперанского и лежащих в основе государственного регулирования регионом. Так, 22 июля 1822 г. императором было утверждено 10 актов, составивших особое «Сибирское учреждение». В него входили «Учреждение для управления сибирских губерний», заложившее административно-правовые основы государственного управления, «Устав об управлении инородцами»¹⁸, «Устав об управлении киргиз-кайсаков»¹⁹, «Устав о ссыльных»²⁰, «Устав об этапах

¹⁸ ПСЗРИ : в 45 т. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 38, № 29126.

¹⁹ Там же. № 29127.

²⁰ Там же. № 29128.

в сибирских губерниях»²¹, «Устав о содержании сухопутных сообщений в Сибири»²², «Устав о сибирских городских казаках»²³, «Положение о земских повинностях в сибирских губерниях»²⁴, «Положение о казенных хлебных запасных магазинах»²⁵, «Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий»²⁶.

Свод «Сибирского учреждения» 1822 г. явился предтечей общероссийской кодификации 1832 г. и почти на целое столетие определял характер государственного регулирования общественных отношений в Восточно-Сибирском регионе²⁷.

В части 1 «Общего образования управления» в § 13 определяется состав Главного управления Западно- и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств, включающего в себя генерал-губернатора и Совет²⁸.

Данная структура Главного управления была введена не случайно: основной задачей для М. М. Сперанского, кроме упорядочивания законодательной базы государственного регулирования, было создание такой структурной основы административного управления, которая позволяла бы нивелировать личный произвол кого бы то ни было в управлении делами Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Базовым элементом такой структуры для М. М. Сперанского виделись коллегиальные органы, корректирующие принцип единоначального управления. В качестве такого органа М. М. Сперанским определялись органы Советов при Главных управлениях, губернские и окружные Советы.

В губернские Советы кроме членов, утверждаемых высочайшими указами, входили главные чиновники той губернии, в которой находилось Главное управление – гражданский губернатор, председатель губернского правления, Казенной палаты и губернского суда²⁹.

Глава 2 «Сибирского учреждения» в § 21 определяет разделение губернского управления на две части – общее и частное³⁰. Общее Губернское управление, согласно § 22, 2 гл. «Учреждения для управления сибирских губерний», составляли гражданский губернатор и Губернский совет³¹, в ос-

²¹ Там же. № 29129.

²² Там же. № 29130.

²³ Там же. № 29131.

²⁴ Там же. № 29132.

²⁵ Там же. № 29133.

²⁶ Там же. № 29134.

²⁷ Власть в Сибири: XVI – начало XX в. ... С. 157.

²⁸ ПСЗРИ : в 45 т. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 38, № 29125, § 13.

²⁹ Там же. § 16.

³⁰ Там же. § 21.

³¹ Там же. § 22.

новной предмет управления которых входило осуществление надзора над правильностью и успешностью решения всех местных как губернских, так и «нижних управлений и доставление им нужных разрешений»³².

В предмет надзора, преимущественно входящий в компетенцию гражданского губернатора, помимо прочего, входило и утверждение волостных голов и инородных начальников – тайшей, князцев, шуленг, зайсанов... и проч. и в особенности лам»³³.

В предмет ведения губернского совета входили: 1) надзор за движением дел, 2) разрешение сомнений в исполнении законов, 3) дела, проходившие по хозяйственному управлению³⁴.

Состав и предмет частного губернского управления определен § 35, согласно которому в предмет губернского правления входили дела по полиции, губернскому правлению, хозяйственным делам, Казенной палаты, по судебным делам как гражданским, так и уголовным, а также дела, проходящие по губернскому суду³⁵. Данная предметная спецификация отражена при разделении созданной М. М. Сперанским Канцелярии на четыре отделения, дела в которых рассматривались на основе отраслевого принципа³⁶.

Для координации реформ М. М. Сперанского 28 июля 1821 г. был создан I Сибирский комитет³⁷, ставший со времен Сибирских приказов высшим государственным органом, объединявшим управление Сибирью. К конкретным функциям Сибирского комитета относилось, во-первых, рассмотрение общих и частных предложений по вопросам устройства Сибирского региона. Во-вторых, постепенное введение данных предложений в действие по мере выработки соответствующих к тому правил. В-третьих, рассмотрение новых мер, представляемых местным руководством. В четвертых, разрешение затруднений, которые могло встретить местное управление при введении новых правил, и реализация их на основании принятых начал³⁸.

Высочайше утвержденный 22 июля 1822 г. Устав об управлении инородцев стал базовым нормативным правовым актом, непосредственно регулирующим сферу этноконфессионального в Восточно-Сибирском регионе в отношении инородцев³⁹.

³² Там же. § 31.

³³ Там же. § 33, п. 6.

³⁴ ПСЗРИ : в 45 т. 1-е изд. СПб., 1830. § 34.

³⁵ Там же. § 35.

³⁶ Там же. § 40, 41, 42, 43 .

³⁷ Окунь С. Б. Сибирский комитет // Архивное дело. 1936. № 1. С. 92–103. Цит по: Власть в Сибири: XVI – начало XX в. ... С. 145.

³⁸ Прутченко С. М. Сибирские окраины. Т. 2. С. 168. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. ... С. 145.

³⁹ ПСЗРИ : в 45 т. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 38, № 29126.

Задачи унификации системы управления и кодификации обычного права инородцев решались в два этапа, в целом определяемых положениями § 1 и 68 Устава.

Параграф 1 содержал в себе положения по стратификации инородческого ясачного населения на три разряда, каждый из которых отражал специфику образа жизни и степень «гражданского их образования»: первый разряд включал в себя оседлых, живущих в селениях и в городах; второй разряд – кочевых и третий разряд – бродячих (или ловцов).

Данное разделение сопровождалось административной реформой управления. В ее рамках выстраивалась иерархия властеотношений и фискальная система административного управления, обеспечивающая сбор ясака и других повинностей силами родоплеменных структур самоуправления.

Параграф 7 определял необходимость общей переписи инородцев как меру крайне необходимую и возлагал ее осуществление и дальнейший общий контроль на гражданских губернаторов при посредстве Губернаторских советов. При этом § 11 содержал в себе уточнение, касающееся метода производства разрядных «рописей», основанного на выявлении качества основного промысла инородцев, составляющего главный способ их пропитания, а не случайные и временные занятия.

Согласно § 39, на основании проведенной общей переписи (ревизии) инородцев, последние должны были платить подати по особому положению с числа душ, определяемых ревизией.

Параграф 68, с одной стороны, легализовал обычно-правовую систему управления инородческими общинами, а с другой, предопределял параметры правотворческой деятельности администрации в свете общих задач реализации интегративной функции государства. Данным параграфом, в частности, определялась организация Губернских временных комитетов по рассмотрению собранных «местным начальством» и почетнейшими из инородцев людьми полных и подробных сведений о местных законах и обычаях. Цель собрания – переработка с последующим изменением всего «дикого и жестокого»; отмена «несообразного» с иными, уже имеющимися, установлениями позитивного права, систематизация их в надлежащем порядке с последующим утверждением местными Главными управлениями.

При этом, согласно положениям § 71 и 72, после утверждения систематизированных законов, изменения в них не допускалось до поры изменения самого образа жизни, требующего и изменения в образе управления. Необходимо отметить также, что данные положения, сопряженные с коронными интересами имперского казначейства, в систематической интенсификации ясачных пушных и денежных сборов приводили впоследствии к искусственной консервации характера родоплеменных отношений.

Но на этапе начала XIX в. реформы М. М. Сперанского, безусловно, имели прогрессивный характер, на законодательном уровне определяя процессы дальнейшего упорядочивания общественных отношений в этноконфессиональной сфере. Последнее самым непосредственным образом коррелирует с проблемами православной и ламаистской миссионерской деятельности в XVIII–XIX вв. Миссия институтов данных конфессий была призвана, по сути своего положения в государственной структуре религиозных институтов, с одной стороны, к реализации русификации автохтонного населения в ее социально-политическом ракурсе, а с другой, использование ламаистских родо-приходских структур в процессах административного управления регионом.

Главой XII Устава («Богослужение»), § 286–291 устанавливалась свобода богослужений и вероисповеданий для инородцев. В качестве основного принципа, излагаемого в статьях, был принцип ненасильственной христианизации, сопровождающейся процессами внедрения культуры земледелия, от успеха которого зависел перевод автохтонного населения в категорию государственных крестьян.

От степени влияния на мировоззренческую систему шаманизма православных или ламаистских институтов зависел характер административно-правового управления и качественный уровень государственного регулирования этноконфессиональных процессов.

Рассмотрим ключевые блоки шаманистского мировоззренческого комплекса, определяющие предмет воздействия миссионерских структур христианства (православие) и буддизма (ламаизм).

До распространения в Восточной Сибири православия и ламаизма шаманизм был единственной господствующей религиозной системой, выполняющей следующие, выделяемые мировым и российским религиоведческим дискурсом, социальные функции:

- компенсаторную, восполняющую ограниченность, зависимость, бессилие шаманистов в изменении объективных условий их существования, имеющую психологический аспект компенсации (снятие стрессов, утешение, катарсис, медитация, духовное наслаждение и т. д.);

- коммуникативную, включающую процессы обмена информацией, взаимодействия, восприятия человека человеком, общения шаманистов с богом, божествами, духами, душами умерших – посредниками общения между людьми в шаманско-культурной деятельности;

- регулятивную, осуществляющую управление деятельностью и отношениями, сознанием и поведением индивидов, рода и племени с помощью шаманистских идей, ценностей, установок, стереотипов, мнений, традиций, обычаев и институтов (религиозного права и морали, образцов, контроля, поощрений и наказаний);

– интегрирующе-деинтегрирующую, в одном отношении объединяющую, а в другом – разъединяющую индивидов, роды и племена, институты автохтонного этноса;

– культуротранслирующую, способствующую развитию определенных слоев автохтонной культуры (фольклора и искусства), обеспечивающую сохранение и развитие ценностей шаманистской культуры, осуществляющую трансляцию накопленного социального опыта;

– легитимирующе-разлегитимирующую, узаконивающую некоторые обычаи, общественные политико-правовые институты, отношения, нормы и образцы как должные или, наоборот, утверждающую неправомерность каких-либо из них;

– мировоззренческую, определяющую тип взглядов на человека, общество и природу. Безусловно, родоплеменные функции шаманизма у инородческих племен Восточной Сибири касались узловых моментов семейно-родовой жизни.

Каждый род или родовая этническая группа имели своего шамана, одnorodовича. Он отправлял культ поклонения эжинам – духам – покровителям населения данной территории. Каждая родовая этническая общность имела на территории своего расселения культовые места⁴⁰. Более того, в традиционном мировоззрении присвоение кровно-родственным коллективом территории обитания определялось как его сакральное право, как духовная собственность⁴¹.

Отмечаемая специфика важна для того, чтобы понять, почему собственность на общинную территорию, в ходе сибирских реформ М. М. Сперанского, оформлялась имперской администрацией как родовая. Как пишет К. М. Герасимова, необходимо учитывать не только экономические процессы, но и надстроечные функции рода, идеологию родового единства, специфику сакрализации общественных отношений родового строя⁴². Тотемические культы родоплеменных предков объясняли не только кровнородственную связь, но и закономерности брачно-семейных межродственных союзов. Анимистические верования были связаны с практико-магиче-

⁴⁰ Там совершался обряд жертвоприношения духам – хозяевам местности. Религиозно-обрядовая сторона выражалась у западных бурят в родовых тайлаганах; у восточных – в культе «хозяев местности» на обо, подразделявшихся на несколько видов – родовых и территориальных. См.: Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1983. С. 117–119; Абаева Л. Б. Традиционные обряды предбайкальских родов селенгинских бурят // Традиционная культура народов Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1986. С. 114–129.

⁴¹ Герасимова К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск, 1989. С. 257.

⁴² Там же. С. 256.

ским комплексом обеспечения промысловых культов и ролью природного фактора в основных хозяйственно-производственных циклах охотничьего и номадного типов производства. Посредниками между людьми и неземным миром божеств и духов являлись шаманы, в силу выполнения ими не только религиозных, но и хозяйственно-организационных функций.

Шаманистская мировоззренческая система была органично вплетена в производящие и присваивающие хозяйственные отрасли. Весь комплекс этнокультурного бытия был пронизан обычно-правовыми установлениями, регулирующими ход жизнеобеспечения семейно-родовых циклов биологического и хозяйственного воспроизводства. В связи с этим реализация положений Устава объективно имела системный характер, а также типологические и особенные черты в губерниях и областях Восточной Сибири.

В фондах Государственного архива Иркутской области имеются материалы, иллюстрирующие порядок и специфику данных процессов в Енисейской и Иркутской губерниях с 1823 по 1878 гг.

Внедряемая на основании норм Устава структура управления инородческим населением была типовой и представляла из себя многоступенчатую административно-иерархическую лестницу строгой подотчетности и подконтрольности.

Она включала в себя родовые управления (§ 172–186 Устава), инородные Управы (обязанности которых изложены в § 187–198), Степные думы – высший орган самоуправления родовыми объединениями (§ 203–213 Устава), территориально-родовые управления – улусы⁴³ (§ 203–213 Устава).

Процессы реорганизации структуры управления – выбор родовых голов («старост», или «князцов»), учреждение Степных дум на основании решения родовых собраний были тщательно подготовлены. Уже спустя год после утверждения Устава были запущены процессы по реализации его положений в Восточной Сибири. В частности, Гражданский губернатор Енисейской губернии в своем «Представлении на утверждение инородцев в звании Голов», уже 11 августа 1823 г. писал на имя генерал-губернатора Восточной Сибири, что «роды, кочующие по Минусинскому округу, пожелав соединиться в общую зависимость подали мне при объезде губернии приговоры, коими избирают единогласно главных родоначальников и просят утвердить их через кого следует, установить Степные думы»⁴⁴.

Согласно § 94–107 Устава, утвержденные в своем звании князцы (старосты)⁴⁵ кочевых инородцев Енисейской губернии, а именно кочующих по «са-

⁴³ См.: Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм ... С. 23.

⁴⁴ Государственный Архив Иркутской Оласти (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 77. Л. 16.

⁴⁵ § 97 Устава регламентировалось само именование «князца» – в официальных сношениях с правительственными учреждениями «князец» (или Зайсан), входящий в должность по

гайской степи», «князцы Кайбальской землицы» и «Кандыковского улуса», «Князцы Качинской землицы» избрали себе родоначальников и письменно ходатайствовали перед гражданским губернатором Енисейской губернии об учреждении родовых управлений и Степных дум⁴⁶.

Каждое собрание родовичей, кочующих инородческих племен завершалось подписанием соответствующего «приговора», заверенного подписями и печатями князцев – глав родовых управлений⁴⁷.

Данные приговоры были рассмотрены в Енисейском губернском совете в созданном при нем «особом Комитете для разбора инородческих родов, устройства управления их и определения границ в населенных ими земель»⁴⁸, «который находит, что введение родоначальников Степных дум чрезвычайно полезно как для самих кочующих племен, так и для управлений:

1) и потому, что главные родоначальники, единогласно выбранные родовичами, заседаая в Степных думах совместно с князцами, или головами каждого улуса могут в лучшем порядке и с большей справедливостью наблюдать права и обязанности как улуса каждого, так и вообще всех и относительно к другим соединенным также в общую зависимость;

2) и потому, что Правительство будет иметь несравненно более удобные в сношениях с кочующими посредством трех родоначальников, между тем как доселе принуждено было сноситься с 28 князцами.

По поводу такого заключения Губернского совета я, на основании § 109 и 148 Учреждения об управлении Сибирских губерний, имею честь представить Вашему высокопревосходительству на утверждение как основанием Степных дум, так и избранных Главных родоначальников Качинской землицы Чирку Картина, Кайбальской землицы Василья Орешка, Кайбальской землицы и Кандыковского улуса Никиту Качаларова, и соединенных племен, кочующих на степи Сагайской Василья Орешка.

Подлинные же приговоры при сем прилагаю»⁴⁹.

23 августа 1822 г. генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский отвечал Енисейскому гражданскому губернатору А. П. Степанову:

наследованию, или согласно обычаям, избранный, во всех племенах должен был именоваться «старостою».

⁴⁶ Содержание которых согласно § 41 Устава 1822 г. составляло внутреннюю повинность кочующих.

⁴⁷ Согласно § 94 текста Устава 1822 г., родовое управление составляли не менее 15 семейств. Стойбища или улусы, имеющие в своем составе менее 15 семейств, причислялись к ближайшим родовым управлениям. § 95 Устава 1822 г.

⁴⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 77. Л. 26–28 об.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 77. Л. 3–6.

«Получив представление Вашего Превосходительства от 11-го сего Августа о введении Степных дум у инородцев Кочующих в Минусинском округе и о избранных сими инородцами по двум мирским приговорам, родоначальников; я утверждаю как предположение посему предмету ваше так и выбор общественный, предоставляя Вашему Превосходительству вместе с учреждением Степных дум вести их порядок производства как на сей предмет постановлены уставом об инородцах»⁵⁰.

О степени организации процессов структуризации системы управления инородцами можно судить, сравнив тексты и даты общественных приговоров, сходы по поводу принятия которых прошли почти одновременно во всех родовых стойбищах и улусах Енисейской губернии. Например, 22 июля 1823 г. были подписаны приговоры князьями «Сагайской степи», 24 июля 1823 г. князьями «Качинской землицы», 25 июля 1823 г. князьями Кайбальской землицы. Сами тексты приговоров и бумага, на которой они написаны также однотипны.

Учреждение Родовых управлений и Степных дум, кроме укрупнения единиц управления и удобства реализации контрольно-фискальных функций, имело своим последствием этноконсолидационные процессы, сплачивающие имеющиеся этнические локальные группы. Роды фактически укрупнялись в административном порядке. Осуществленная перепись отражает численный состав каждого рода. Например, согласно Ведомости о родоначальных ясачных народов по Минусинскому округу Енисейской губернии численность родовых управ в Степной думе соединенных племен в 1823 г. была следующей: инородные управы: Бальтирская – 840; Кызыльско-Карачинская – 106; Кийско-косинская – 103; Ближне-карачинская – 615; Кийско-Кубанская – 381; Дальне-карачинская – 260; Казанова 2-я половина – 159; Сагайская 1-я половина – 885; Сагайская – 2-я половина Карачаровская – 305. Итого – 3 654. Качинская степная дума: – 3 821, Кайбальская Степная дума – 594. В Ачинском округе в Кизильской Степной думе при 11 родовых управах числилось 2 288 человек обоого пола⁵¹. Данный признак-маркер объективно соответствовал семейно-родовому укладу и обеспечивал достаточно высокую степень ручного управления, а также эффективность и «общественный» характер устного судопроизводства⁵².

Последующая инвентаризация родовых земель, проведение межевания и пр. были обусловлены в том числе и бытовавшими территориальными ро-

⁵⁰ ГАИО. . Ф. 24. Оп. 10. Д. 77. Л. 16.

⁵¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 77, Л. 58 об. – 59.

⁵² Устный характер судопроизводства фиксировался в § 101 Устава 1822 г.: «Родовое управление производит все дела словесно».

довыми шаманскими культами, сакрализирующими этнопространственные измерения жизнедеятельности родовых общин⁵³.

Необходимо отметить, что учреждение Степных дум трех родоначальий Качинского, Кайбалинского и «соединенных племен» сопровождалось введением «в порядок производства дел, на сей предмет постановленный». В отчете Гражданского губернатора Енисейской губернии генерал-губернатору Восточной Сибири указывалось, в частности, что родоначальникам «были объявлены их права и обязанности чрез доставление трех экземпляров Устава об инородцах... даны формы для ведомостей и каждой Степной думе отписан письмоводитель и предписано окружному начальнику о сообщении законного по Уставу движения, всему устройству, утвержденному Вашим Высокопревосходительством». Также отмечалось, что осуществленное правовое регулирование управления инородцами способствовало последующей росписи их на разряды, поскольку, как писал гражданский губернатор, «Прежний образ начальствования и управления лишил меня совершенного средств сделать настоящее разделение на разряды»⁵⁴.

Вслед за упорядочением территориально-родовых аспектов административного управления краем, в рамках реформ, проводимых под руководством М. М. Сперанского, последовали и процессы консолидации обычного права автохтонных этносов. Параграфами 35–37, 68–72 Устава об управлении инородцев в Сибири и § 733–735 Общего Свода законов о состояниях, кочевым и бродячим инородцам было предоставлено право во «всех тяжбных и мало-важных уголовных делах, не исключая кражи, суд и расправа по их степным законам и обычаям».

В отношении на имя генерал-губернатора Восточной Сибири 1837 г. Управляющий делами Сибирского Комитета А. Величко, обозревая пройденный путь правотворческого процесса, писал: «Но как сии законы и обычаи, в каждом племени имеют некоторые и часто важное от других отличие; при том же, сохраняясь большею частию чрез одни изустные предания, могут быть и сбивчивы и неопределительны, – по сим причинам на местное начальство возложено собрать от почетных людей полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть их по губерниям в особых временных Комитетах; смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими узаконениями, и расположив в надлежащем порядке, представить главному местному управлению. Таким образом, утвержденные Степные законы повелено напечатать на российском языке, если можно на языке тех

⁵³ Упомянутые родовые культы онгонов были связаны непосредственно с погребениями шаманов и маркировали породные земли инородцев.

⁵⁴ ГАИО. Ф. 24 Оп. 10. Д. 77. Л. 26–28 об.

самых племен до коих оные относятся, или на языке, с употребляемым ими сходственным; по напечатании представить в Правительствующий Сенат, и принимая их в основание присуждениям о делах кочующих и бродячих инородцев, не только в родовых Управах, но и в присутственных местах, когда по жалобам, поступят на ревизию, а недостаток дополняя уже при решении Российскими Узаконениями; не допускать в Степных законах никаких изменений, пока с переменой образа жизни и степени образования, не будет надобности изменить образ самого Управления инородцев. К исполнению сего, в обеих губерниях Восточной Сибири, открыты были, под председательством гражданских губернаторов, Комитеты, которые вызвав от каждого из инородческих Ведомств соответственное народонаселению число депутатов, по совещании с ними, составили два проекта Степных законов – один для инородцев Иркутской, а другой для инородцев Енисейской губернии»⁵⁵. В созданный под председательством Енисейского гражданского губернатора А. П. Степанова Временный комитет входили чиновники Губернского правления, председатель Губернского суда, Минусинский окружной начальник и секретарь Комитета, начальник Первого отделения Губернского совета. В представлении проекта о Степных законах по Канцелярии Главного управления Восточной Сибири генерал-губернатору Восточной Сибири отмечалось, что кроме чиновников администрации проекты Степных законов рассматривались прибывшими в Красноярск родоначальниками и почетными людьми родов. Комитет приступил к своим Занятиям 12 февраля и окончил 26 февраля 1824 г. с причислением инородцев «ко второму разряду по 3-му § Учреждения для Управления Сибирских губерний»⁵⁶.

В итогах произведенного анализа отмечается:

1. Этноконсолидация – включение автохтонных этносов Восточной Сибири в политико-правовое пространство Российской империи – осуществлялась в рамках общегосударственных реформ губернского управления XVIII – нач. XIX в. Политико-правовая интеграция коренных народов в Сибирь обусловлена отличиями Сибири как в уровне и качестве организации административно-управленческой, фискальной деятельности государства, так и в том, что подавляющее большинство автохтонов Восточной Сибири еще в начале XIX в. придерживалось шаманизма.

2. Автохтонная шаманско-культурная традиция и практика выполняли все основные социальные функции религии и выступали наиболее универсальной формой идеологической системы социокультурного пространства. Проблема нивелировки влияния мифорелигиозной системы шаманизма на

⁵⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 77. Л. 414.

⁵⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 77. Л. 38.

сознание включаемых в состав империи народов решалась за счет усиления влияния структур православной, а впоследствии и ламаистской церкви.

3. Круг задач государственного регулирования процессов ассимиляции и интеграции коренных этносов был определен рядом нормативных правовых актов, среди которых основным являлся разработанный М. М. Сперанским Устав об управлении инородцев 1822 г. Основными правилами управления инородцами Восточной Сибири были:

- предоставление в частных делах кочующим инородцам права словесной (устной) расправы по нормам обычного права. Уменьшение числа предметов судебного разбирательства, подлежащих рассмотрению имперскими судебными учреждениями;

- урегулирование социально-экономической жизни – обеспечение свободы торговли и производства, создание условий к исполнению инородцами их обязанностей.

4. Унификация системы управления и кодификация обычного права инородцев решались в два этапа:

- стратификация инородческого ясачного населения на три разряда, каждый из которых отражал специфику образа жизни оседлых, кочевых и бродячих (ловцов). Последующей административной реформой управления выстраивалась иерархия властеотношений и фискальная система, базирующаяся на родоплеменных структурах самоуправления. Общая породовая перепись и территориальная привязка инородцев способствовали налаживанию и осуществлению общего контроля со стороны губернской администрации;

- легализация обычно-правовой системы управления инородцами и предопределение параметров правотворческой деятельности администрации в свете общих задач реализации интегративной функции государства.

5. Подготовка свода степных законов для инородцев Восточной Сибири способствовала систематизации норм обычного права, целью которой являлась их конечная переработка с приведением к общегосударственному уровню установлений позитивного права по мере изменения самого образа жизни инородцев.

6. Интересы имперского казначейства в систематической интенсификации ясачных пушных и денежных сборов привели к искусственной консервации характера родоплеменных отношений и актуализации миссии институтов православной и ламаистской церкви, с одной стороны, по реализации процессов русификации автохтонного населения в ее социально-политическом ракурсе (православие), а с другой – по использованию ламаистских родо-приходских структур в процессах административного управления регионом (ламаизм).

7. Шаманистская мировоззренческая система была органично вписана в производящие и присваивающие хозяйственные отрасли. Восприятие в традиционном мировоззрении территории обитания как сакрального права, духовной собственности предопределило эффективность территориально-административной реформы на ее начальном этапе.

SHAMANISM AS A SOCIOCULTURAL ELEMENT OF THE EASTERN SIBERIA COMMON LAW REGULATION IN THE XIX CENTURY

Summary

The main purpose of this research is to analyze the organization of the norms of the common law codification in the 19th century in Eastern Siberia. The above mentioned organization was taking place in the stream of ethno-consolidation processes. The regulation of social relationships in the autochthonous socio-cultural environment took place in the framework of the mythoreligious shamanism complex. Moreover, it appeared as the main form of the ideological system. The aforementioned fact influenced the specific character of the process of the political and legal integration of the indigenous communities of Eastern Siberia. Also, it influenced the level and quality of organization of the state's fiscal activity on the executive managerial level. The unification of the managerial system with the codification of the common law of the indigenous populations was carried out in two stages. The first stage was comprised of the stratification of the indigenous (*yasachny*) community into three layers. Furthermore, each layer reflected the specific character and tribal structure of each self-government as well as the way of life of the indigenous denizens of Eastern Siberia.

The second stage consisted of the legalization of the management system of the common law of the indigenous inhabitants as well as of the predetermination of the parameters of the legislative activity of the administration in light of the common tasks connected with the realization of the integration function of the state.

CHAMANISME EN TANT QUE L'OBJET SOCIO-CULTUREL DE L'ACTION PUBLIQUE DANS LE DOMAINE COUTUMIER EN SIBERIE ORIENTALE AU XIXE SIECLE

Résumé

Le but de la recherche consiste à étudier la mise en œuvre de la codification des normes du droit coutumier des indigènes en Sibérie orientale du XIXe siècle se faisant dans le cadre des processus de la consolidation ethnique. La réglementation des rapports sociaux dans les milieux socio-culturels autochtones obéit au système mythique et reli-

gieux du chamanisme qui constitue une forme universelle de l'idéologie. Ce fait a déterminé les traits spécifiques des processus de l'intégration politique et juridique de la population autochtone de la Sibérie orientale, de la qualité et des niveaux de l'organisation et du fonctionnement de la fiscalité et de la gestion publique. L'unification du système de gestion et la codification du droit coutumier des indigènes suivent deux étapes. La première étape représente la stratification des indigènes (payant une capitation) en trois groupes qui reflètent la spécificité des structures de l'autogestion et du mode de vie de la population autochtone de la Sibérie orientale. La deuxième étape correspond à la légalisation du droit coutumier de la gestion par les autochtones et à la prédétermination des paramètres de l'élaboration des lois par l'administration dans le cadre de la réalisation de la fonction intégrative de l'état.

